

Справедливость — императив цивилизации права*

В.Д. Зорькин

От того, какая идея справедливости будет (и будет ли!) взята человечеством в качестве главного мировоззренческого ориентира на обозримую историческую перспективу, зависит его способность противостоять вызовам современной эпохи. Является ли справедливость правовым феноменом, который резюмирует в себе общезначимый итог рационально-логического осмысления социальных реалий, или справедливость — это явление морального порядка, обусловленное конкретно-историческими и социокультурными особенностями того или иного социума? В статье обосновывается тезис о том, что отказ от общезначимого правового подхода к трактовке справедливости как равенства в свободе чреват навязыванием всему миру (в том числе и посредством современных информационных технологий) односторонних представлений о справедливости, ориентированных на западные моральные ценности и отвечающих интересам наиболее влиятельных акторов системы глобальных отношений. Преодоление наметившейся опасной тенденции к мировоззренческой однополярности в трактовке справедливости следует, по мнению автора, искать на пути синтеза ценностей индивидуализма и солидаризма. В контексте такого подхода рассматривается понятие европейского консенсуса, лежащее в основе решений и правовых позиций Европейского суда по правам человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: справедливость, право, доверие, права человека, моральные универсалии, европейский консенсус, мировоззренческая однополярность, индивидуализм, солидаристские ценности.

ЗОРЬКИН Валерий Дмитриевич — доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2018 г.

Цитирование: *Зорькин В.Д.* Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.

Современный мир находится сейчас в точке бифуркации, после которой развитие человечества может пойти по самым разным, в том числе и очень негативным сценариям. Предстоящий человечеству экзистенциальный выбор пути на обозримую перспективу в немалой степени зависит от того, какая идея справедливости будет взята в качестве главного мировоззренческого ориентира. Поэтому обсуждение проблемы справедливости в ее соотношении с правом сейчас более чем актуально. Представление о том, что идеи справедливости и права, начертанные в свое время на знаменах идеологии Просвещения, навсегда вошли в нашу жизнь (вспомним недавнюю популярность тезиса о «конце Истории»), оказалось неверным: нужны большие усилия всего человечества, чтобы удержаться в русле соответствующих этим идеям ценностно-нормативных ориентаций. Отсюда и та необходимость нового Просвещения, о которой говорят авторы опубликованного в 2017 г. доклада Римского клуба *Come On!*, посвященного 50-летию юбилею Клуба и выражающего консолидированную позицию его

* По материалам лекции, прочитанной на VIII Петербургском международном юридическом форуме 18.05.2018 г.

© Зорькин В.Д. 2019 г.

членов. В противном случае мы можем однажды проснуться и понять, что того мира, в котором мы жили, больше нет. А есть совершенно другой мир, отрицающий все то, в чём и чем мы жили. Мир, где народы, государства и отдельные люди выживают в волнах всеобъемлющего хаоса.

Проблема справедливости – это правовая проблема. Справедливость – это ключевая категория социальной философии и особенно философии права. Поэтому, не претендуя даже на краткий обзор данной темы, хочу лишь в самом общем виде сказать, что подавляющее большинство исследователей сходятся на том, что в рамках любого политически организованного сообщества справедливость представляет собой ценностно-нормативную основу социального порядка и, как верно заметил Дж. Ролз, важнейшую добродетель социальных институтов. Есть, конечно, и иные оценки. Так, сторонники экономического неолитерализма считают, что для экономической сферы важнее эффективность, которая способствует увеличению «общего пирога», и в итоге выигрывают все – и богатые, и бедные. С другой стороны, некоторые коммуитаристы полагают, что справедливость подавляет более высокие ценности братства, солидарности и т.п., на которых должно строиться человеческое сообщество. Оставляя в стороне эти крайности, хотел бы выделить лишь один, наиболее актуальный, как представляется, аспект дискуссий о справедливости, связанный с вопросом о том, является ли справедливость *правовым* феноменом, который резюмирует общезначимый итог рационально-логического осмысления социальных реалий, или справедливость – это явление *морального* порядка, обусловленное конкретно-историческими и социокультурными особенностями того или иного социума.

Такая, на первый взгляд, сугубо теоретическая постановка вопроса имеет очень важные выходы на практику, которые в сложившемся политическом контексте заслуживают особого внимания. Нынешний ценностный релятивизм приводит современный мир постмодерна к возникновению все более различающихся партикулярных представлений о справедливости. И все более актуальным становится вопрос: возможно ли совместить эти разные «справедливости» в едином и общеобязательном международном праве? Мне представляется, что это будет возможно только в том случае, если все субъекты взаимодействия в своих представлениях о справедливости сумеют удержаться в границах правового принципа равенства. А между тем в последние десятилетия этот принцип все чаще изымается из международного права, что подрывает его основы.

Изучая труды великих представителей западной философии, мы видели в Западе носителя рациональной трактовки справедливости как равенства, восходящей к идеям античного рационализма. В отличие от морально-религиозного осмысления справедливости, доминировавшего в русской философии, западное понимание справедливости в значительной мере носило рациональный, *правовой* характер и претендовало на универсальное, общечеловеческое значение. Отказываясь в конце 80-х гг. прошлого века от коммунистической идеологии, мы исходили из того, что понимание справедливости как равенства, как соответствия между деянием и воздаянием, как предсказуемой и понятной каждому разумному человеку связи между трудом и вознаграждением, между виной и ответственностью и т.д., обеспечивает максимальную свободу человека. Нас убеждали, что современный Запад живет по этим принципам и считает их универсальными.

Однако целая серия политических событий последней четверти века свидетельствует о том, что западные политические лидеры и западное общественное мнение очень далеко ушли от исходного античного понимания справедливости как юстиции. Ведь древние римляне, чьи идеи лежат в основе западной философии права, как известно, обозначали справедливость термином «*justitia*», который одновременно означал и правосудие с присущими ему атрибутами равносправедливого подхода: презумпцией невиновности, состязательностью и равноправием сторон, беспристрастностью при вынесении суждений, правом на защиту, невозможностью прямых обвинений при наличии лишь косвенных улик, фейковых новостей и даже банальных фальсификаций

(вспомним сомнительный «ораторский прием» Колина Пауэлла, потрясавшего пробиркой с белым порошком перед вторжением в Ирак).

Как получилось, что мы вдруг оказались в мире, который все дальше уходит от справедливости и права? Я не буду даже пытаться ответить на этот исключительно сложный вопрос — это дело, скорее, философов и социологов. Хочу лишь, оставаясь в рамках проблематики, тяготеющей к практической юриспруденции, поделиться некоторыми соображениями по поводу современных мировых и прежде всего европейских политико-правовых реалий.

Парадоксы европейского консенсуса. В условиях нынешнего быстро меняющегося мира изменяются (причем нередко весьма кардинальным образом) и представления о конкретном содержании тех прав человека, каталог которых считается общепризнанным в мировом сообществе. Поэтому к числу наиболее значимых и актуальных сфер практического преломления идеи справедливости относятся сейчас процессы правообразования, т.е. процессы формирования и внедрения в правовую практику новой интерпретации правовых ценностей, лежащих в основе прав человека. В правовом пространстве Совета Европы основная нагрузка по осуществлению этой функции лежит на Европейском суде по правам человека, который, решая конкретные споры о праве, осуществляет также и правотворческие функции, поскольку все больше ориентируется на выявление структурных дефектов национальных правовых систем, требующих внесения изменений в законодательство.

Демократическая легитимность решений Европейского суда, являющаяся главной гарантией их справедливости, держится на двух «столпах» — это выборы судей Парламентской ассамблеи Совета Европы и сложившаяся в практике работы Суда ориентация на так называемый европейский консенсус. Я говорю «так называемый» консенсус, поскольку мы имеем здесь дело вовсе не с юридическим понятием, утвердившемся в международном праве, а, скорее, с весьма удобной политической метафорой. Если вспомнить известные слова Аристотеля о том, что метафора — это несвойственное имя, перенесенное по аналогии, то в данном случае речь должна идти об аналогии с международно-правовым консенсусом, создающей видимость решения, легитимного с политической и обоснованного с правовой точек зрения.

В настоящее время доктрина европейского консенсуса применяется главным образом в решениях, касающихся (что принципиально важно!) наиболее сложных вопросов, которые затрагивают чувствительные струны национальной идентичности отдельных государств. Подчеркиваю: речь идет не о подавляющем большинстве рядовых решений Суда, опирающихся на уже сложившееся понимание прав человека, а о формулировании новых правовых ценностей и идей, ориентированных в конечном итоге на новые подходы к пониманию того, что есть справедливость в современном мире. И хотя удельный вес подобных новелл в общем массиве решений Суда невелик, однако в условиях нынешней эпохи перемен он имеет явную тенденцию к росту. При этом подобные проблемы, требующие правового решения, нередко оказываются связанными с пересмотром фундаментальных культурных традиций, необходимость чего обусловлена (если действительно обусловлена!) нравственным совершенствованием общества, технологическим прогрессом или иными социальными изменениями. Применительно к достигаемому в этих ситуациях европейскому консенсусу напрашивается вполне уместный вопрос: а что именно понимается здесь под консенсусом и не имеем ли мы дело с подменной понятию, уже утвердившегося в понятийном словаре юриспруденции?

Ведь то, что называется европейским консенсусом, — это вовсе не тот консенсус, понятие которого четко определено в международном праве. Просто в сложившемся уже словоупотреблении так обозначается согласованная позиция нескольких государств, относящихся, как правило, к числу государств — основателей Совета Европы, которая выражает определенную тенденцию в развитии права. При этом, как я уже не раз отмечал ранее, слишком вольная трактовка понятия европейского консенсуса уже подвигла ряд государств, в том числе и Россию, на выработку собственной доктрины конституционной идентичности, очерчивающей те «красные линии», за которые они

не могут переходить под давлением подобного «консенсуса». А сегодня вынужден добивать, что присоединение остальных членов Совета Европы к консолидированной позиции такого «европейского авангарда», которая все чаще выходит за рамки первоначальных правовых договоренностей государств – членов Совета Европы, во многом строится на доверии к этой позиции и на уважении к ее сторонникам. Но о каком доверии и уважении со стороны России может идти речь, если наша страна с 2014 г. (с момента, когда Россия была лишена права голоса в Парламентской ассамблее Совета Европы) не имеет возможности участвовать в выборе судей Европейского суда по правам человека и уполномоченного по правам человека Совета Европы?

По мере ослабления доверия, являющегося важнейшим фактором современного правообразования, государства, стремящиеся сохранить свою конституционную идентичность, будут все чаще задумываться о том понимании права, которое лежит в основе доктрины европейского консенсуса. Речь идет о понимании права как нормативной системы, базирующейся на неких моральных универсалиях, которые трактуются как прирожденные и неотчуждаемые права человека. Хочу обратить внимание, что это не совсем то (а, может быть, даже и совсем не то) понимание права, о котором говорят, когда ссылаются на известную формулу римского юриста Цельса из Дигест Юстиниана: «Право есть искусство добра и справедливости». Справедливость для Цельса – это не некая неопределенная *моральная* универсалия, а вполне определенный принцип равенства. «*Jus est ars boni et aequi*», – говорит он, используя для обозначения справедливости не понятие «*justitia*», а понятие «*aequi*», означающее равенство, эквивалент.

С позиций такого понимания права как искусства справедливости, определяемой через равенство, право предстает как справедливый итог договора между равными. Причем равными участниками этого договора являются все, на кого распространяется данное право, а вовсе не некоторые «равнейшие» субъекты, так называемого европейского консенсуса.

Моральные универсалии и право. А дальше встает еще один не менее важный вопрос: может ли в принципе мораль иметь универсальный, общезначимый характер? Не скрывается ли за трактовкой основных прав человека как моральных универсалий, восходящих к сугубо моральным представлениям о справедливости, стремление выстраивать право на европейских (т.е. региональных) моральных ценностях, которые декларируются как универсальные? Мы как-то очень легко соглашаемся с тем, что европейские морально-правовые ценности, основанные на трактовке справедливости как моральной или (что, по сути, то же самое) морально-правовой категории, имеют универсальный характер. В такой позиции есть дань уважения Западной Европе, внесшей определяющий вклад в формирование и развитие прав человека, а также признание заслуг доктрины естественного права в ее стремлении ограничить произвол законодателя, очертив некие моральные границы, за которые он не должен выходить. Кроме того, мы все еще находимся под впечатлением тех ценностей, которые принесла в Европу эпоха Просвещения. Однако Запад уже далеко отошел и от ценностей эпохи Просвещения, и от христианских (и прежде всего – протестантских) ценностей Нового времени, которые могли когда-то претендовать на универсальный характер. Я имею в виду ценности равенства людей, трудовой этики, честности, скромности в потреблении, семейные ценности и т.д.

Современное общество давно вступило на путь эскалации неравенства. Согласно последнему докладу Мировой лаборатории неравенства при Парижской школе экономики, разрыв между богатыми и бедными, т.е. имущественное неравенство, растет практически во всем мире. Разговоры о том, что рост совокупного богатства распространяется, в конечном итоге, на всех, оказываются «сказкой для бедных»: нынешнее социальное расслоение чревато необратимой социальной деградацией как отдельных групп населения внутри государств, так и целых регионов мира в глобальном пространстве.

С усилением глобализационных процессов эта несправедливость постоянно нарастает, грозя окончательным расколом мирового социума на страны-победители, получающие основные выгоды от глобализационных процессов, и, говоря словами Ю. Хабермаса, «страны, потерпевшие поражение» [Хабермас 2008, 17]. Это ведет к маргинализации и депривации широких масс во многих (в первую очередь, развивающихся) странах, к росту числа «лишних людей», легко поддающихся влиянию экстремистских идей и готовых пополнять ряды террористических организаций. Причем рост социального неравенства происходит не только за счет накопленного ранее богатства, но и за счет постоянного увеличения неравенства в доходах. Одним из лидеров по этим показателям в последние годы, к сожалению, стала Россия.

Кроме того, многие экономисты (в том числе принадлежащие к либеральному флангу) приходят к выводу, что нынешняя постиндустриальная стадия капитализма, которую все чаще обозначают как «финансовый капитализм», обладает фундаментальными дефектами. Способность финансового капитала делать деньги (причем огромные и легкие деньги) «из воздуха» — из финансовых спекуляций, из торговли «брендами», из исторической ренты, получаемой от выгод мирового разделения труда, и т.д. — резко усиливает несправедливость в распределении жизненных благ как на внутринациональном уровне, так и в системе глобальных отношений. Как следует из упомянутого доклада Римского клуба, 98% доходов от финансовых операций имеют спекулятивный характер! [Come on 2017 web] Финансовый капитализм, утверждает известный французский экономист Т. Пикетти, паразитирует на сфере реального производства, поскольку в силу ряда причин доходы на капитал растут быстрее темпов экономического роста в реальном секторе экономики. Легкие деньги финансовых игроков бросаются на раскручивание потребительского ажиотажа с помощью рекламы и иных способов манипулирования массовым сознанием. Все это ведет к разрушению трудовой этики и в целом этики как системы представлений о добре и зле. Особо следует выделить разрушение традиционных семейных ценностей. И в этом тоже есть влияние рынка, которому не нужны личности, включенные в системы социальных, в том числе наиболее устойчивых семейных, связей. Рынку нужны массы атомизированных потребителей, состоящих из носителей индивидуальных потребительских предпочтений.

В сложившихся условиях претензии западных ценностей на универсализм теряют свою этическую обоснованность. Понимание данного обстоятельства вовсе не означает, что России следует замыкаться в своей правовой самобытности. Напротив, задача состоит в том, чтобы предложить общезначимое, общечеловеческое правовое мировоззрение, основанное на принципах справедливости как равенства и ориентированное на возрождение тех фундаментальных ценностей, в которых сконцентрирован этический потенциал всего человечества.

Восстановление доверия между людьми, народами и государствами — путь к утверждению справедливости и права. Обвальное разрушение доверия, которое мы сейчас наблюдаем, и прежде всего доверия между Россией и ведущими странами Запада самым непосредственным образом связано с отсутствием единого понимания справедливости. Не так давно мы обсуждали на Юридическом форуме проблему доверия с иных позиций: в 2016 г. наш Форум проходил под рубрикой «Доверие к праву — путь преодоления глобальных кризисов». А сегодня нам приходится говорить иначе: восстановление доверия — это путь возвращения к справедливости и праву.

То, что произошло в наших отношениях с Западом, намного хуже, чем кризис доверия: ведь кризис — это состояние, несущее в себе возможность как катастрофического сценария, так и позитивного перелома. То, что произошло — это разрушение доверия. Восстановить, пока еще не поздно, остатки доверия между нами — главная задача текущего момента. Но прежде всего важно понять, что сложившаяся ситуация не случайна: она является лишь наиболее ярким проявлением общей тенденции тотального ослабления доверия в современном мире. И данная тенденция крайне опасна. Это только кажется, что доверие является неким эфемерным феноменом и что реальная жизнь, а тем более так называемая «реальная политика» строится на взаимных

расчетах, на рациональном взвешивании возможных выгод и ущерба и т.д. На самом деле в силу огромной сложности, многофакторности, многовариантности социальной жизни в ней в принципе невозможно рассчитать и проконтролировать поведение участников социального взаимодействия. Поэтому очень многое в таком взаимодействии держится на доверии, которое является основой взаимопонимания, а значит, основой человеческих коммуникаций на всех уровнях, начиная с семьи и заканчивая общностями, относящимися к разным цивилизационным, социокультурным типам. И именно в этой столь значимой сфере современный мир очевидным образом сдвигается в негативном направлении. Во всяком случае, озабоченность по этому поводу высказывает сейчас целый ряд социологов и философов.

Социологи предупреждают, что расширение поля недоверия – это характерная черта общества эпохи поздней современности. Присущие этой эпохе процессы универсализации и глобализации рисков снижают доверие к социальной системе и ее институтам, не способным защитить от нарастающих угроз. Это ведет к разрушению основы для социального взаимодействия, усиливает непредсказуемость будущего и создает предпосылки для перехода от общества риска к обществу катастроф. Особую обеспокоенность специалистов вызывают все более расширяющиеся возможности манипулирования общественным сознанием с помощью средств массовой коммуникации, в результате чего общество с его осмысленным ценностным подходом к жизни превращается в легко управляемую толпу, лишенную ценностных ориентиров. А философы при обсуждении проблемы доверия говорят еще и о том, что в условиях современного постмодернистского релятивизма доверие к Другому, основанное ранее на общем понимании неких исходных, фундаментальных идеалов и ценностей, теряет эту свою основу. В итоге Другой все чаще становится не просто чужим, но онтологически чуждым и враждебным. С учетом сказанного есть, как мне представляется, основания опасаться, что человечество на современном витке цивилизации может вернуться к ситуации своего рода до-Осевого времени с его отсутствием единой духовной культуры.

Из всех выработанных человечеством вечных духовных ценностей, таких как Справедливость, Истина, Добро, Свобода, Красота и т.д., именно Справедливость наиболее тесно связана с доверием. Ведь доверие – это, по сути своей, ожидание взаимности, вера в то, что партнер по взаимоотношениям ответит добром на добро, проявит солидарность и будет действовать в соответствии с принятыми правилами. На взаимность, соразмерность, возмездность ориентирована и справедливость, которая, как заметил З. Бауман, является наиболее «социализирующей» из всех человеческих ценностей. При этом справедливость в наибольшей мере подвержена разным, зачастую противоположным интерпретациям. «Она может, – пишет З. Бауман, – породить самые неистовые конфронтации – но в конце концов именно она сглаживает и устраняет все разногласия» [Бауман 2004 web]. Поэтому так важно для всех нас – отдельных людей, народов и человечества в целом – не утратить общее социализирующее представление о справедливости.

Идея всеобщего спасения – главная антитеза нынешней «мировоззренческой однополярности». Происходящее на наших глазах разрушение международного права нередко сопровождается преувеличенной критикой прежней биполярной Ялтинско-Потсдамской системы с ее «конфронтационной стабильностью», с ее «идеологической враждебностью», с ее «жесткой блоковой дисциплиной», обеспеченной силовым давлением, и т.д. и т.п. Однако жизнь показала, что все дефекты блоковой модели миропорядка меркнут на фоне тех катастроф, к которым уже привел однополярный мир. Мы видим, что однополярность – это не только максимально несправедливая, но и максимально неустойчивая и небезопасная конструкция. Она очевидным образом противоречит закону диалектики, согласно которому источником всякого развития является единство и борьба противоположностей. И очень показателен тот факт, что после исчезновения социалистического лагеря как полюса в глобальном диалектическом единстве противоположностей освободившееся место сразу начали занимать самые темные силы регресса, носители крайне тоталитарной квазирелигиозной идеологии, оправдывающей практику терроризма.

Более того, если сравнить Ялтинско-Потсдамскую модель мироустройства с иными, предшествовавшими ей модификациями Вестфальской системы, то нельзя не признать, что ее стержень составляла не обычная борьба геополитических интересов, а конкуренция за умы и души людей: конкурировали между собой разные модели социального устройства, разные образы желаемого будущего, а соответственно, и лежащие в их основе разные концепты справедливости. Такая конкуренция предполагала упор не только на принуждение, но и на поддержку, на солидарность, на содействие развитию стран и народов, относящихся к тому или иному конкурирующему лагерю. А, кроме того, она давала большой простор для маневра странам, которые придерживались стратегии неприсоединения. А вот когда конкуренция в глобальном пространстве сменилась монополией, то оказалось, что глобальный монополист не нуждается ни в общей для всех концепции «светлого будущего», ни в общей идее справедливости. Он цинично демонстрирует всему миру, что светлое будущее — удел избранных и что туда возьмут не всех. Именно такие ориентиры лежат в основе политических практик, основанных на доктрине как управляемого, так уже и неуправляемого хаоса, которые предназначены для тех, не достоин «светлого будущего».

Теоретическую основу подобной несправедливой и антигуманной политики составляют вполне уважаемые философско-правовые теории. Показательна в этом плане концепция справедливости, разработанная американским философом и правоведом Д. Ролзом, которая, как признают специалисты, оказала заметное влияние на внешнюю политику США. Опубликованная им в 1971 г. монография «Теория справедливости» уже содержала основные тезисы для оправдания неравенства между носителями различных социокультурных ценностей, в чем автора вполне справедливо упрекали коммуитаристы. Однако в более откровенном виде Дж. Ролз сформулировал эти тезисы в 1993 г. в работе «Право народов», где он разделил человечество на «хорошо организованные либеральные общества», «хорошо организованные нелиберальные общества» и на «тиранические и диктаторские режимы» [Ролз 2006, 79–105] Первые две группы он относит к полноправным членам хорошо (т.е. справедливо, с его точки зрения) установленного рационального сообщества народов, а вот третьих считает находящимися в доправовом состоянии, т.е. «вне закона». Исходя из этого, автор утверждает, что «хорошо организованные общества, выстраивающие свое взаимодействие на основе права», могут объявлять войну «диктаторским режимам», поскольку они, мол, перманентно нарушают право внутри своего государства или за его пределами. Именно из данной — подчеркну, партикулярной, а вовсе не «общечеловеческой» — концепции международной справедливости после распада СССР начала вырастать новая внешняя политика США. В рамках этой политики оказалось, что достаточно объявить режим какой-либо страны тираническим или диктаторским, т.е. неправовым, аморальным и несправедливым, чтобы морально оправданно и справедливо развязать против этой страны любые типы современных войн — от экономических до дипломатических, от пропагандистских до вооруженных. Не обращая внимания на международное право и не нуждаясь в санкциях со стороны ООН.

Поэтому те, кто сейчас стремится противостоять этим гегемонистским устремлениям, кто хочет преодолеть однополярность глобализирующегося мира (а это, конечно, далеко не одна Россия), должны прежде всего преодолеть его мировоззренческую односторонность. Именно мировоззренческое, а не военное противостояние составляет суть концепции многополярного мира. Очень показательна, что когда Вашингтон решил утвердить на практике однополярное мироустройство через доктрину унилатерализма, помощник президента США по национальной безопасности К. Райс заявила, что «...многополярность — это теория соперничества, конкуренции, а в своем худшем проявлении — конкуренция ценностей» [Примаков 2009, 7]. Об этом в своей книге с выразительным названием «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» напомнил Е. А. Примаков, хорошо понимавший, что именно в этих словах была выражена суть дела, которая заключается в том, что Запад очень не хочет вновь встать на путь конкуренции ценностей.

О конкуренции каких ценностей идет речь? Думаю, что речь, как и раньше, идет о разной трактовке великой идеи справедливости, которая приобретает новое звучание в свете вызовов глобализации, несущих в себе серьезнейшие угрозы самому существованию человечества. Эти вызовы высвечивают главное внутреннее напряжение идеи справедливости – конфликт между ее индивидуалистической и солидаристской трактовками. Коммунистическая идеология пыталась сформулировать коллективистскую идейную платформу справедливости за рамками правового подхода. И хотя воплотивший эту идею реальный социализм продемонстрировал неадекватность такой неправовой справедливости социальным реалиям, это отнюдь не сняло исходного противопоставления. Суть его скрыта гораздо глубже того смыслового пространства, где соперничают социалистическая и капиталистическая идеологии. Думаю, что этот глубинный смысл верно уловила в свое время русская религиозно-философская мысль, духовный опыт которой известный философ А.В. Гулыга выразил так: «предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [Гулыга 2006 web]. С точки зрения права эта русская идея всеобщего спасения трансформируется в признание равного права всех народов и государств на стабильное и безопасное развитие: не право избранных (так называемого «золотого миллиарда») на лучшую долю, а равное право всех на то, чтобы достойно войти в будущее.

Уверен, что эти присущие российской правовой ментальности солидаристские ценности станут все более востребованы в мире по мере того, как господствующая в праве идеология воинствующего индивидуализма будет обнаруживать свою ангажированность, свою нацеленность на эгоистические интересы наиболее сильных субъектов глобального взаимодействия. Надеюсь, что российская юридическая наука сумеет адаптировать эти идеи русской философии права к современной крайне сложной правовой реальности и вписать их в правовой миростроительный проект. Кстати, в последнем докладе Римского клуба, последовательно отстаивающего позиции ответственного глобализма, выдвинута концепция «нового Просвещения», которая ориентирует человечество на достижение баланса между индивидуальным и коллективным началами. Баланса, который, как показано в докладе, нарушен в угоду эгоистическим интересам сильных мира сего.

В заключение хочу подчеркнуть один важный момент. Когда в годы холодной войны СССР удерживал идеологический полюс в планетарном противостоянии, его политический авторитет в немалой степени держался на том, что и внутри страны власть опиралась на ту же самую идеологию. При всех неизбежных разрывах между доктриной и практикой, реальность советского социализма по большому счету не противоречила той идеологии, которую страна декларировала в международном пространстве. Это вызывало уважение и обеспечивало доверие со стороны тех государств и народов, которых не устраивала западная идеология индивидуализма. У современной России, претендующей на равносправедливые отношения со своими международными партнерами, нет такого преимущества.

По уровню социального расслоения мы являемся сейчас одними из лидеров в мировом антирейтинге. Эта ситуация усугубляется демонстративным потреблением, с одной стороны, и чрезмерными масштабами бедности, с другой. Особенно несправедливым представляется наличие большого числа так называемых «работающих бедных», среди которых немалую долю составляют семьи с детьми. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ шестая часть всех работников в России не может обеспечить себя и свои семьи. Их доходы в 2016 г. были ниже прожиточного минимума трудоспособного населения [Работающие бедные 2017]. На это в ближайшие годы может наложиться еще и общемировая тенденция резкого сокращения рабочих мест в результате автоматизации, роботизации и информатизации производства. По-прежнему актуальной остается проблема коррупции, которая (как показали трагические события в Кемерово) уже приобрела опасный для жизни людей характер.

Все это свидетельствует о том, что Россия еще не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое Россия сейчас претендует.

Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так. Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, можно сказать, выкованный суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей «общей судьбой на своей земле» (как сказано в преамбуле нашей Конституции), с созданием конкурентной экономической и политической среды. Честная конкуренция в сфере экономических и, что не менее значимо, политических отношений – это современное преломление главного принципа диалектики, согласно которому единство и борьба противоположностей является источником всякого развития. Без этого стране грозит очередной застой, опасные последствия которого мы уже проверили на своем опыте.

Очевидно, что в основе такой стратегии должна лежать соответствующая национальная идеология. В последнее время многочисленные критики российской Конституции, выступающие как с левого, так и с правого флангов политического спектра, все чаще оспаривают положение ч. 2 ст. 13, согласно которому «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Возражая против подобной критики, хочу подчеркнуть следующее. Данный конституционно-правовой запрет относится ко всем партийным идеологиям, но никак не к конституционализму. Напротив, утверждение конституционализма как общегосударственной, надпартийной идеологии и интегративной общенациональной идеи особенно актуально в современной России, в условиях отсутствия общезначимых ценностных и мировоззренческих ориентиров [Нерсесянц 2000, 6–8]. Наша задача – суметь наполнить общенациональную идеологию конституционализма таким правовым смыслом, который отвечает ожиданиям нации, ее представлениям о справедливости и потребностям правового развития России.

Как сказал Аристотель, справедливость в отношениях между людьми – величайшая добродетель, более удивительная и блестящая, чем вечерняя или утренняя звезда. Искренне верю, что не мы, так наши потомки на основе принципа справедливости создадут настоящую *цивилизацию права*, в которой человечество обретет высшую в своей истории степень свободы.

Ссылки – References in Russian

Бауман 2004 web – Бауман З. Европейский путь к мировому порядку // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/baum_evr.php.

Гулыга 2006 web – Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006 // <http://gulyga.ru/texts/page?pid=6&item=6&page=152>.

Нерсесянц 2000 – Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сб. ст. / Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2000. С. 6–8.

Примаков 2009 – Примаков Е. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.

Работающие бедные 2017 – Работающие бедные в России и за рубежом // Социальный бюллетень. 2017. № 10. С. 5–20.

Ролз 2006 – Ролз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79–105.

Хабермас 2008 – Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.

Come on 2017 web – “Come on!” – Юбилейный доклад Римского клуба // <http://malakhov.link/come-on-report>.

Justice – Imperative of the Civilisation of Law

Valery D. Zorkin

On the choice of an idea of justice (whether there will be any!), to be taken by the humankind as the main mind-set guideline for the foreseeable historical perspective, would depend to a great extent its ability to confront the challenges of the modern age with its globalisation, informatisation, explosive development of biotechnology and other processes. One of the key elements of this discussion – the question whether justice is a legal phenomenon resuming in itself a generally valid result of a rational and logical interpretation of social realities or justice – is a phenomenon of morality caused by the specific historical and socio-cultural peculiarities of a particular society. The article elaborates the thesis that the rejection of a universally valid legal approach to the interpretation of justice as equality in freedom is fraught with imposing on the whole world (including the means of modern information technologies) one-sided notions of justice meeting the interests of the most influential actors of global relations system. Within the context of such an approach the author considers the notion of the European consensus aimed at European moral values, as well as the practice of realisation thereof in the activities of the European Court of Human Rights. The thesis is that overcoming of the emerging dangerous trend towards ideological unipolarity in the interpretation of justice should be sought on the path to the synthesis of the values of individualism and solidarity.

KEY WORDS: justice, law, trust, human rights, moral universalities, European consensus, ideological unipolarity, individualism, solidarity values.

ZORKIN, Valery D. – DSc in Law, Professor, President of the Constitutional Court of Russian Federation.

Received at September 25, 2018.

Citation: Zorkin, Valery D. (2019) “Justice – Imperative of the Civilisation of Law”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 5–14.

DOI: 10.31857/S004287440003612-8

References

- Bauman, Zygmunt (2004) *The European Way to the World Order*, [http: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/baum_evr.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/baum_evr.php) (Russian translation).
- Gulyga, Arseny V. (2006) *Creators of the Russian Idea*, Molodaya Gvardiya, Moscow (in Russian).
- Habermas, Jürgen (2004) *Der gespaltene Westen. Kleine politische Schriften*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt an Main (Russian translation).
- Nersesyants, Vladik S. (2000) “Constitutionalism as a National Ideology”, *Constitutional and Legal Reform in the Russian Federation*, pp. 6–8.
- Primakov, Yevgeny (2009) *A World without Russia? Where political myopia leads*, Rossiyskaya Gazeta, Moscow (in Russian).
- Rawls, John (1993) “The Law of Peoples”, *Critical Inquiry*, No 20, pp. 36–68 (Russian translation).
- von Weizsäcker, Ernst, Wijkman, Anders (2017) *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*, Springer (Russian translation).
- “Working Poor in Russia and Abroad”, *Social Bulletin*, 10 (2017), pp. 5–20 (in Russian).